

$$\nabla^2 \Phi = 4\pi G \rho$$

$$i\hbar \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\frac{\hbar^2}{2m} \nabla^2 \Psi + V\Psi$$

$$\nabla \cdot E = \frac{\rho}{\epsilon_0}$$

$$\nabla \times E = -\frac{\partial B}{\partial t}$$

$$\nabla \cdot B = 0$$

$$\nabla \times H = J + \frac{\partial D}{\partial t}$$

$$\nabla \cdot H = 0$$

$$\nabla^2 R - \frac{1}{c^2} \frac{\partial^2 R}{\partial t^2} = 0$$

$$dp = 0$$

$$\Sigma = -\nabla p$$

$$E = c$$

$$d = \frac{0}{dc}$$

$$cm = 0 - D \cdot S$$

$$\Sigma = \iint_S E \cdot dS$$

$$\Phi = \iint_S B \cdot dS$$

$$\Psi(r, t) = R(r) Y(\theta, \phi)$$

$$L = -\frac{\hbar^2}{2m} \nabla^2 + V(r)$$

$$i\hbar \frac{\partial}{\partial t} \Psi = \hat{H} \Psi$$

$$\Delta x \Delta p \geq \frac{\hbar}{2}$$

$$\Omega = \frac{d\phi}{dt}$$

$$\frac{\partial^2 \phi}{\partial t^2} + \omega_0^2 \phi = 0$$

$$\frac{\partial \rho}{\partial t} + \nabla \cdot (\rho v) = 0$$

$$F = G \frac{m_1 m_2}{r^2}$$

$$\sum_{n=1}^{\infty} \frac{1}{n^2} = \frac{\pi^2}{6}$$

Озерки-31

Работы продолжаются

Thalamocele .

Озерки-31. Работы продолжаются

<https://litres.ru/73999949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Леонид Авгеев приезжает в закрытый город Озерки-31 по официальному приглашению, которого он сам не запрашивал. В НИИ его ждут пропуск, квартира, браслет и личное дело. Всё выглядит законно. Слишком законно.

Город живёт тихо и буднично: проходная, служебные машины, журналы, кроссворды, окна старых домов, мокрый асфальт после дождя. Но чем внимательнее Леонид смотрит на детали, тем сильнее они расходятся между собой.

Кто вызвал его в Озерки-31? Почему здесь не любят зеркала? И что на самом деле продолжают люди, которые давно перестали задавать вопросы?

Мрачный научно-мистический триллер о закрытом городе, старом эксперименте и человеке, который слишком поздно понимает, что уже стал частью системы.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Райцентр	5
Глава 2. Дорога	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Thalamocele .
Озерки-31. Работы
продолжаются

Глава

Глава 1. Райцентр

Автобус ушёл почти сразу, как только Леонид снял с полки свой рюкзак и вышел на пустоватую площадь перед автостанцией. Ушёл без раздражения, без городского рывка, будто не увозил людей, а просто исполнил старую обязанность: выпустил сизый выхлоп, клацнул дверьми, покатился к повороту между двух облупленных киосков и исчез за тополями, оставив после себя запах горячей резины, мокрой фанеры и дешёвого дизеля. В воздухе стояла ранняя июньская сырость, ещё не летняя жара, но уже то прилипчивое тепло, от которого рубашка начинала чувствовать спину раньше, чем человек успевал вспотеть.

Райцентр назывался просто, без всякой попытки понравиться приезжему. На выцветшей табличке над дверью автостанции краска держалась клочьями: «Озерский район. Автовокзал». Леонид посмотрел на часы. Волга должна была прийти через сорок минут. В письме было написано: «Представитель учреждения встретит Вас у центрального входа автостанции в 11:40». Автобус из Белгорода пришёл раньше, чем обещал сайт перевозчика, и теперь лишние сорок минут лежали перед ним не как свобода, а как пустая строка в лабораторном журнале.

Он не любил пустых строк. В них всегда кто-нибудь потом вписывал то, чего не было.

Леонид поправил ляжку рюкзака, сунул в карман телефон и пошёл вдоль площади. В Старом Осколе, где он вырос, город держался на тяжёлом промышленном дыхании: карьеры, ГОК, отцовские разговоры о насосах, пульпе, остановленных конвейерах, людях, которые за двадцать минут могли понять неисправность по звуку. В Москве, в МИСиС, его приучили к другому шуму - к вентиляции чистых помещений, к щелчкам реле, к сухому пластику приборных панелей, к несмешным шуткам аспирантов, которые неделями не выходили из подвала, если установка наконец начинала вести себя похоже на установку. Райцентр не был похож ни на Оскол, ни на Москву. Он был похож на место, где всё давно работает только потому, что никто не задаёт лишних вопросов работающему.

На площади стоял газетный ларёк с зелёными металлическими ставнями. Одна ставня была поднята, другая висела криво, и продавщица в розовой кофте раскладывала на полке пачки кроссвордов, лотерейные билеты и тонкие газеты с заголовками про районный субботник. За ларьком начиналась улица, ведущая к выезду. По ней не ходили спешащие люди. Шли двое школьников с пакетом чипсов, женщина тащила за руку мальчика в слишком тёплой шапке, старик катил велосипед, на багажнике которого была привязана эмалированная кастрюля.

Леонид двинулся туда без особого решения. Сначала он хотел только размять ноги после автобуса. Потом заметил

за одноэтажными домами белое длинное здание с облупленным цоколем и неожиданно открытым двором.

Психоневрологическое отделение, если верить табличке у ворот.

Ворот не было.

На двух бетонных столбах, между которыми когда-то должна была висеть створка, болталась цепь. Она не закрывала проход, просто показывала, что проходу положено быть закрытым. За цепью двор уходил к низкому корпусу с большими окнами, выкрашенными в больничной голубой по нижней раме. На подоконниках стояли герани. У крыльца курил санитар в сером халате. По двору ходили пациенты - не строем, не под присмотром, каждый своим маленьким маршрутом. Женщина в вязаной шапке гладко водила ладонью по стволу яблони, словно проверяла температуру дерева. Мужчина в спортивных штанах смеялся в пустоту, потом вдруг вежливо протянул руку перед собой и пожал невидимую ладонь. Ещё один стоял у песчаной площадки и чертил палкой.

Леонид остановился у цепи. Ему стало неловко от собственного любопытства, но взгляд уже зацепился за песок.

Человек у площадки был в выцветшей больничной пижаме и старом пиджаке, надетом прямо поверх неё. Пиджак сидел плохо, плечи провалились, один карман оттягивался пачкой каких-то бумажек. Волосы у него были белые, мягкие, как вата, но лицо сохраняло странную собранность. Он чер-

тил не бессмысленные каракули. Линии пересекались под углами, рядом появлялись греческие буквы, над дробью человек аккуратно выводил знак, похожий на гамму, потом стирал носком ботинка часть формулы и начинал снова.

Леонид вошёл во двор.

Санитар посмотрел на него, но ничего не сказал. Может быть, принял за родственника. Может быть, в этом месте родственников не отличали от прохожих. Леонид подошёл к песку, присел на корточки на расстоянии, которое оставляло человеку воздух.

- Извините, - сказал он. - Это у вас уравнение связи или я неправильно вижу?

Человек с палкой не сразу повернул голову. Он закончил дугу, поставил точку, похожую на маленькую гвоздичную шляпку, и только потом посмотрел на Леонида. Глаза были водянистые, с красноватыми краями, но взгляд не плавал. Взгляд задержался на лице, на воротнике рубашки, на рюкзаке, на часах.

- А вы откуда? - спросил человек.

- Из Москвы. Через Белгород.

- Все через что-нибудь, - сказал он и снова ткнул палкой в песок. - Прямых линий не бывает. Только в отчётах.

Леонид усмехнулся не от смешного: фраза неожиданно легла в больничный двор, как предмет, оставленный на своём месте. Он протянул руку к песку, не касаясь формул.

- Здесь у вас шумовой член не сходится.

- Он и не должен сходиться.

- Тогда зачем вы его оставили?

Человек посмотрел на него с почти детским удивлением, будто Леонид спросил, зачем оставлять дверь в стене.

- Чтобы было куда вернуться.

Ветер качнул яблоневые листья. За крыльцом хлопнула форточка. Женщина у ствола дерева сказала кому-то: «Тише, тише, ещё рано», хотя рядом с ней никого не было. Леонид почувствовал, как внутри включилось рабочее внимание. То самое, с которым он в лаборатории слушал установку: где-то фонит, где-то отстаёт контур, где-то в нормальной последовательности появляется лишний шаг.

- Вы физик? - спросил Леонид.

- Был.

- Где работали?

Человек медленно улыбнулся, и улыбка эта не стала добрее.

- Где продолжают работы.

После этих слов он коротко коснулся левого запястья - привычно, будто проверил ремешок часов, которых не было. Леонид невольно посмотрел на собственную руку. Под снятым в автобусе ремешком кожа оставалась светлее.

- Как вас зовут? - спросил Леонид.

Человек хотел ответить, но в этот момент на плечо Леонида легла широкая тёплая ладонь.

Леонид обернулся резче, чем хотел.

За его спиной стоял мужчина лет сорока пяти, плотный, темноволосый, с лицом человека, который много ездит и мало жалуется на дорогу. На нём была чистая, но старая кожаная куртка, вытертая на локтях, и синяя рубашка, застёгнутая неправильно на одну пуговицу. От него пахло машиной, табаком и мятной жвачкой. Ладонь он убрал сразу, будто только обозначил своё присутствие.

- Здравствуйте, Иван Геннадьевич. Как сегодня?

Человек с палкой расправил плечи. В его лице появилась почти официальная вежливость.

- Да ничего, Антоша. Волгу в среду под навес поставь. Птицы.

- Понял. Спасибо. А вы - Леонид? Нам пора.

Леонид поднялся. Колени после автобуса неприятно щёлкнули.

- Леонид Юрьевич Авгеев, - сказал он. - А вы, значит, представитель учреждения?

- Антон, - сказал мужчина. - Но все Антошей зовут. Пойдёмте, машина у автостанции. Вы рано приехали.

- Автобус рано пришёл.

- Такое бывает.

Антоша произнёс это так, будто ранний автобус был не нарушением расписания, а характером местности. Он кивнул Ивану Геннадьевичу, развернулся к выходу, но у цепи остановился и обернулся.

- Иван Геннадьевич, кроссворды привезу. Нина Пална

просила «с клетками покрупнее», а вам какие?

- Мне без картинок, - сказал Иван Геннадьевич. - В картинках они врут.

- Понял.

Леонид снова посмотрел на песок. Пока они говорили, Иван Геннадьевич зачеркнул всю формулу одной длинной линией. Не стер. Именно зачеркнул, как ошибочную запись в журнале, которую нельзя вырывать.

У автостанции стояла Волга.

Сначала Леонид подумал, что это реставрация, из тех машин, которые состоятельные люди покупают ради праздников и свадеб. Чёрная ГАЗ-24-10, блестящая, тяжёлая, с прямым носом, хромированными деталями и плоскими стёклами. Но чем ближе он подходил, тем сильнее вещь переставала укладываться в слово «реставрация». В ней не было музейной нарядности. Не было лакового тщеславия, которым старую технику пытаются оправдать перед настоящим. Волга стояла как служебная машина, приехавшая по делу: на переднем сиденье лежала папка с серыми завязками, под ковриком виднелась свежая грязь, на панели дрожал маленький пластиковый святой Николай, а под лобовым стеклом лежал пропуск с печатью НИИ.

Номера были 00 80 ММБ.

Леонид задержался возле заднего крыла.

- Она на ходу? - спросил он.

Антоша посмотрел на него так, будто вопрос был техни-

чески обидным.

- Лучше многих.

- Просто слишком новая для машины такого года.

- Не надо ей это говорить. Обидится.

Сказано было без улыбки, но не сухо. Леонид поставил рюкзак в багажник. Багажник пах резиной, инструментальным маслом и яблоками, хотя яблок там не было. Антоша захлопнул крышку, открыл переднюю пассажирскую дверь, достал из бардачка узкую коробку и подал Леониду.

- Это сразу наденьте.

В коробке лежал браслет.

С виду - медицинский или пропускной: матовый серый пластик, металлическая застёжка, маленькое окошко без цифр, внутри которого под мутной плёнкой темнела полоска. Не электронные часы, не современный датчик доступа. Скорее часть старого оборудования, которое кто-то заставил выглядеть приемлемо для человека.

- Зачем?

- В городе с ним проще.

- Это пропуск?

- И пропуск тоже.

- А без него?

Антоша пожал плечами.

- Без него вам всё равно выдадут другой.

Леонид не любил такие ответы. В них была чиновничья пустота, только сказанная человеческим голосом. Он взял

браслет, повертел в пальцах, нашёл на внутренней стороне гравировку: «НИИ-ОЗ1 / временный слой / Л. Ю. Авгеев». Буквы были ровные, заводские, без следов спешки.

- Когда успели сделать?

- Вы же ехали.

- Я ехал девять часов.

- Значит, успели.

Браслет защёлкнулся на левом запястье слишком плотно. Не больно, но сразу заметно. Пластик был тёплый, будто его до этого держали на коже. Леонид хотел спросить ещё, но Антоша уже подошёл к газетному ларьку. Продавщица в розовой кофте оживилась.

- Антош, опять все заберёшь?

- Не все. Нине Палне - крупные. Иван Геннадьевичу - без картинок. И мне один с анекдотами, если не совсем дурные.

- Дурные все, - сказала продавщица. - Но тебе пойдёт.

Она отсчитала пачку кроссвордов, перевязала резинкой. Антоша расплатился наличными, без телефона, без карты. Леонид стоял рядом, чувствуя на запястье браслет. В матовом окошке ничего не светилось. Просто под плёнкой лежала тёмная полоска, похожая на кусочек выключенной ночи.

Когда они сели в Волгу, Антоша положил кроссворды между сиденьями, завёл мотор, и машина ответила глубоким ровным звуком, без старческой дрожи. Леонид пристегнулся. Ремень тянулся туго и пах старой тканью.

- До Озерок далеко? - спросил он.

- Смотря как считать.
- В километрах.
- Тогда недалеко.

Волга мягко тронулась, обогнула площадь и покатилась к выезду. На краю двора психушки Иван Геннадьевич снова сидел у песка. Он не смотрел вслед машине. Он чертил новую формулу поверх старой зачёркнутой линии, и палка в его руке двигалась спокойно, почти преподавательски.

Леонид положил левую руку на колено. Браслет под манжетой чуть давил на кожу.

Он успел подумать, что надо будет потом узнать, кто именно подготовил его документы.

И кто вообще решил, что он должен сюда приехать.

Глава 2. Дорога

Дорога из райцентра сначала ничем не отличалась от сотен дорог, по которым Леонид ездил в детстве на отцовской Ниве: заплатанный асфальт, обочины с прошлогодней травой, редкие остановки с ржавыми навесами, посадки тополей, за которыми мелькали огороды, сараи, теплицы из мутной плёнки. Если смотреть прямо, всё казалось нормальным. Если смотреть боковым зрением, место начинало чуть расходиться.

Не в виде чуда. Чудо Леонид бы отверг сразу, как отвергал любую красивую гипотезу без измерений. Расхождение было беднее и неприятнее. На одной остановке висело расписание автобусов с пожелтевшей бумагой под стеклом; в углу стоял QR-код, напечатанный так чётко, словно его наклеили вчера. На поле за посадкой ржавел комбайн старой модели, но рядом с ним лежал новый рулон белой агроплёнки. У магазина, мимо которого они проехали, женщина держала у уха кнопочную Нокию и говорила в неё так громко, будто связывалась с человеком через несколько районов, а на стене магазина висел свежий плакат с рекламой доставки продуктов. Плакат был без единой складки.

Волга шла мягко. Подвеска съедала ямы с терпеливой тяжестью, мотор держал ровный гул, в дверях не звенело. Леонид не удержался и провёл пальцами по панели. Пластик был

гладкий, без липкости старой машины.

- Кто её обслуживает? - спросил он.

- Я.

- Полностью?

- Почти.

- Детали откуда берёте?

Антоша посмотрел в зеркало заднего вида, хотя сзади никого не было.

- Где найдём.

- У вас тут музейный парк?

- У нас тут разный парк.

- Это ответ?

- Это пока дорога.

Леонид повернул голову к нему. Антоша вёл спокойно, двумя руками, без показной шофёрской расслабленности. На большом пальце правой руки была старая трещина ногтя. На ключах у замка зажигания висел плоский железный брелок с цифрой 31. Каждый раз, когда машина проходила по неровности, брелок бился о рулевую колонку с коротким звоном.

- Антон, - сказал Леонид. - Мне лучше сразу понимать правила. Я приехал не на экскурсию.

- Я знаю.

- Тогда объясните, почему мне надели браслет до въезда.

- Чтобы на въезде не стоять.

- А на въезде его проверяют?

- Проверяют.

- Кто?

- Кто положено.

Леонид выдохнул через нос. Так отвечали люди, которые привыкли жить рядом с инструкцией и давно перестали видеть в ней текст.

- Хорошо. Закрытый объект. Пропускной режим. С этим понятно. Но браслет странный. В письме о нём ничего не было.

- В письме много чего нет.

- Например?

Антоша помолчал. Машина прошла мимо двух дачных участков, где на заборах висели одинаковые таблички «Не влезай - убьёт». На одном участке за сеткой сидела собака. Она не залаяла. Только подняла морду и проводила Волгу глазами.

- Например, что здесь лучше не считать всё письмами, - сказал Антоша.

- А чем считать?

- Сначала - местом работы.

- Вы в НИИ работаете?

- Вожу. Кого надо.

- А пациенты из психушки?

Антоша не сразу ответил. Правой рукой он включил печку, хотя в салоне не было холодно. Из дефлекторов пошёл сухой тёплый воздух с запахом пыли.

- Они сами ходят, - сказал он. - Кого надо - довожу.
- Без забора странно.
- Забор не всем помогает.

Леонид посмотрел на дорогу. Асфальт стал уже, деревья ближе. Мобильная связь на телефоне исчезла двумя делениями сразу, потом вернулась одним. Он открыл экран, проверил сообщение от матери - последнее было ещё с утра: «Доехал?» Он набрал «Почти», но отправка зависла. Кружок рядом с текстом крутился, потом сообщение осталось серым. Леонид убрал телефон.

- Связь здесь плохая?
- Бывает.
- Интернет?
- Для работы есть.
- А для жизни?
- Кто как живёт.

Снова этот ответ, мягкий и непроницаемый. Леонид не чувствовал в Антоше враждебности. Водитель отвечал не для того, чтобы унижить приезжего, и не потому, что прятал заговор. Скорее, он не видел смысла называть словами то, что всё равно станет видно. Так отец иногда не объяснял молодым мастерам поведение конвейерной ленты: «Пойдём, сам потрогаешь». В этом была своя честность, но она началась с молчания.

Леонид достал из внутреннего кармана распечатку письма. Он распечатал его ещё в Москве, хотя мог держать в те-

лефоне. Бумага была удобнее для отметок. На листе стоял исходящий номер, печать отдела кадров НИИ прикладной синхронизации, аккуратное обращение: «Уважаемый Леонид Юрьевич». Текст приглашал его на годичную стажировку по программе «контуры измерений в условиях нестабильного фона». Формулировка была настолько расплывчатой, что могла значить всё что угодно: от старого криостата до проекта, который не имел права существовать в открытой переписке. Именно поэтому Леонид сначала решил, что письмо поддельное.

Потом в МИСиС нашёлся входящий номер.

Потом секретарь кафедры сказала, что запрос пришёл официально, через управление.

Потом научный руководитель, сухой профессор с привычкой ругаться шёпотом, неожиданно посоветовал ехать. «Если это действительно Озерки, Авгеев, там может быть железо, на которое мы всю жизнь только ссылались. Если, конечно, оно не сгнило». Когда Леонид спросил, кто его рекомендовал, профессор снял очки, протёр их салфеткой и сказал: «Вот это хороший вопрос».

Хороший вопрос теперь ехал вместе с ним в старой Волге по дороге, которую карта на телефоне показывала серой линией без деталей.

- Вы раньше возили стажёров? - спросил Леонид.
- Возил.
- Из Москвы?

- И из Москвы.

- Они возвращались?

Антоша повернул на него голову. Ненадолго, но Леониду хватило, чтобы увидеть усталость в его лице. Не обиду, не страх. Усталость человека, который уже слышал вопрос и знает, что любой ответ станет неправдой, потому что спрашивающий вкладывает в него другое.

- Кто как, - сказал Антоша.

- Очень успокаивающе.

- Вы же не за успокоением ехали.

Леонид хотел возразить, но не нашёл чистой фразы. В самом деле, он ехал не за успокоением. Он ехал из-за письма, старых ссылок, странных следов в архиве, полузакрытых отчётов с провалами по страницам, истории про эксперимент, который в нормальном научном мире давно должен был стать либо легендой, либо статьёй, либо уголовным делом. Он ехал, потому что в подвале МИСиС однажды нашёл упоминание установки «ОЗ1-С», зачёркнутое в списке оборудования, но не списанное по акту. Ехал, потому что после этого ему начали попадаться документы, где Озерки-31 появлялись как ошибка копировщика: то в сноске, то в номере договора, то в фамилии рецензента, который по всем базам никогда не публиковался. Ехал, потому что его не приглашали, а потом вдруг оказалось, что пригласили.

Система работала. Значит, у неё был контур.

Если в журнале всё хорошо, надо идти смотреть руками.

Дорога поднялась на невысокий холм. За посадкой открылся лес: ровный, плотный, посаженный словно не ради древесины и не ради красоты, а как экран. Между соснами просматривалась просека, уходящая под прямым углом, и несколько столбов с фарфоровыми изоляторами. На одном из столбов сидела ворона. Она повернула голову вслед Волге.

- Это уже территория? - спросил Леонид.

- Почти.

- Где знак?

- Был знак.

- Сняли?

- Кому надо, тот знает.

Через пару километров появился КПП.

Он оказался меньше, чем Леонид ожидал. Низкое кирпичное здание, полосатый шлагбаум, будка с мутным стеклом, рядом бетонные блоки, покрашенные белой известью по верхнему краю. Не военная часть, не секретный объект из кино. Сельская проходная с чужим назначением. Над будкой висела табличка «Озерки-31», под ней - выцветшая строчка «Работы продолжаются». Леонид прочитал её машинально, потом почему-то вернулся взглядом.

Работы продолжаются.

Не «ведутся». Не «объект охраняется». Не «проезд запрещён». Просто утверждение, которому не требовался глагол настоящего времени: продолжают.

Антоша притормозил перед шлагбаумом. Из будки вышел

худой мужчина в форме без знаков отличия. Лицо у него было серое, скуластое, с тёмными мешками под глазами. Он наклонился к окну, увидел Антошу, кивнул, потом посмотрел на Леонида.

- Новый?

- Леонид Юрьевич Авгеев, - сказал Антоша. - Временный слой. НИИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.